

УДК 81'42:070

UDC 81'42:070

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ВЕЖЛИВОСТИ И КООПЕРАЦИИ В ТЕКСТАХ БЕСЕД И ИНТЕРВЬЮ С В. Т. СПИВАКОВЫМ

REALIZATION OF PRINCIPLES OF POLITENESS AND COOPERATION IN THE TEXTS OF CONVERSATIONS AND INTERVIEWS WITH V. SPIVAKOV

Н. А. Михальчук,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и славянского
языкознания МГУ имени А. А. Кулешова*

N. Mikhailchuk,

*PhD in Philology, Associate Professor of
the Department of General and Slavic
Linguistics, MSU named after A. Kuleshov*

Поступила в редакцию 03.03.21.

Received on 03.03.21.

Статья посвящена некоторым аспектам проблемы специфики элитарной языковой личности – рассмотрению реализации базовых принципов речевого общения в текстах бесед и интервью с В. Спиваковым. Доказывается, что в устной речи В. Спиваков корректно соблюдает максимы одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича, а также принцип кооперации Г. П. Грайса. В дискурсе музыканта высокоупотребительными являются косвенные высказывания. Важное место в устной речи В. Спивакова занимают косвенные реализации интенций, угрожающих лицу адресата, частично выраженное согласие. Специфическими чертами речевого поведения В. Спивакова названы значимость речевых интенций похвалы и благодарности, частотность речевых актов самокритики и самоупрека.

Ключевые слова: речевое поведение, вежливость, кооперация, элитарная языковая личность.

The article is dedicated to some aspects of the problem of specificity of elitist language personality – considering realization of basic principles of speech communication in the texts of conversations and interviews with V. Spivakov. It is proved that in the oral speech V. Spivakov correctly follows the maxims of approving and modesty within the framework of the principle of politeness by G. Leech and the principle of cooperation by H. P. Grice. In the musician's discourse indirect utterances are mostly used. An important place in the oral speech of V. Spivakov belongs to indirect realizations of intentions threatening to the person of the addressee, partially expressed agreement. The specific features of speech behavior of V. Spivakov are the significance of speech intentions of praise and gratitude, frequency of speech acts of self-criticism and self-reproach.

Keywords: speech behavior, politeness, cooperation, elitist language personality.

Введение. Идея антропоцентричности языка в современной лингвистике (со 2-й половины XX века) является ключевой. В рамках антропоцентрического подхода диктуется необходимость изучения речевой коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для всесторонней оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения.

Речевое поведение, одно из фундаментальных лингвистических и психологических понятий, было объектом исследования в трудах Т. Г. Винокур [1], Н. И. Формановской [2], К. Ф. Седова [3] и др. По определению Т. Г. Винокур, речевое поведение – это «речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [1, с. 12]. Изучение речевого поведения наших современников и предшественников – ученых, деятелей культуры и искусства, политических деятелей, телеведущих в последнее время все чаще вызывает исследовательский интерес. Примечательны в этом направлении работы Н. И. Белоуновой [4], И. Н. Казаковой [5], Л. М. Салимовой [6].

С нашей точки зрения, наибольшую ценность представляют исследования речевого поведения носителей высокой речевой культуры общения, элитарной или приближающейся к ней, так как элитарной речевой культуре,

с одной стороны, принадлежит ведущее значение в современной национальной культуре [4], а с другой – в настоящее время элитарная речевая культура утрачивается в отечественном культурном контексте. В рамках данной статьи элитарной языковой личностью мы считаем личность, строго соблюдающую базовые принципы речевого общения: вежливости, кооперации, толерантности, некатегоричности, точности, определенности, объективности, достоверности, прямоты.

Владимир Теодорович Спиваков – выдающийся представитель творческой интеллигенции современности. Дирижер, скрипач, педагог, народный артист СССР, он пользуется любовью публики и уважением коллег.

Основная часть. Рассмотрим специфические особенности речевого поведения В. Спивакова и реализацию в его дискурсе базовых принципов речевого общения.

Устная речь В. Спивакова проанализирована нами на материале «Диалогов с Владимиром Спиваковым» С. Волкова [7] и текстов интервью в Интернете. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод для характеристики языковых явлений, метод анализа и синтеза для теоретического обобщения языковых фактов. В ходе исследования были проанализиро-

ваны следующие группы речевых актов: речевые акты несогласия, отказа, похвалы, благодарности, самокритики, самоупрека.

1. Соблюдение принципа кооперации.

Одним из базовых принципов речевого общения является принцип кооперации, сформулированный Г. П. Грайсом и описанный лингвистом следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, каким требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [8].

«Согласие с собеседником в этикете является императивом», – справедливо отмечает И. А. Стернин [9]. Речевые реализации интенций несогласия и отказа несут угрозу лицу адресата и противоречат принципу кооперативного поведения. Речевые акты несогласия и отказа являются разновидностями конфликтных речевых актов.

Тем не менее, жанр интервью так или иначе предполагает выражение интенций несогласия и отказа. Предпочтительной, более вежливой является косвенная форма выражения несогласия, ср.: П. Браун и С. Левинсон [10], И. А. Стернин [9], Н. И. Формановская [2]. В рамках прагмалингвистической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [10] предлагается гиперстратегия скрытых «лицоугрожающих актов», предполагающая не прямое выражение неблагоприятных для адресатов интенций.

В устной речи В. Спивакова частотными являются вежливые косвенные реализации интенций несогласия. Так, в следующем фрагменте диалога в реплике-реакции несогласие выражено в форме сообщения и вопроса.

Волков. *Тихон Николаевич Хренников – фигура сложная, «неоднозначная», как сейчас любят говорить. <...> Хренников умудрился, будучи незаурядным администратором, яркой личностью и, безусловно, весьма одаренным композитором, «приватизировать» вверенную ему творческую организацию в условиях социализма... Спиваков. Хочу возразить. А как быть с Альфредом Шнитке, который только благодаря Хренникову и Щедрину получил возможность быть услышанным публикой? Хренников помог и Венгерову, и Репину, и Кисину?*

В рамках макроречевого акта представлено два косвенных речевых акта несогласия (диалы «Сообщение – несогласие», «Вопрос – несогласие»). Косвенная форма выражения речевых актов, а также весомая аргументация смягчают неблагоприятную для адресата интенцию, помогают сохранить атмосферу кооперации.

Волков. *У тебя два коллектива – «Виртуозы Москвы» и «Национальный филармонический оркестр России». Это все равно что у человека две жены – или, может быть, у тебя – жена и любовница? Спиваков. Можно иначе представить такую ситуацию – что у меня два ребенка. (Сообщение – несогласие)*

В ответ на вопрос, в котором содержится дружеская ирония, следует не категоричное косвенное несогласие (тактика вариативной оценки).

В. Спивакова и С. Волкова связывают не только деловые, но и давние дружеские отношения, поэтому возможен взгляд на коммуникацию в «Диалогах с Владимиром Спиваковым» как на общение в рамках «приятельского», «сближающего этикета». Несмотря на то что «сближающий этикет», в отличие от дистанцирующего, предполагает менее жесткие требования в случае выражения несогласия и отказа (допускаются прямая форма выражения, отсутствие аргументов) [10], в дискурсе В. Спивакова находим единичные случаи употребления прямого несогласия.

Частичное согласие по формуле «да, но...» («возражение под видом согласия», термин Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелева), употребительное в дискурсе В. Спивакова, наблюдаем в следующих фрагментах текста:

Волков. *Его «Китеж» – это наш «Парсифаль»? Правда ведь? Спиваков. В широком смысле – да, так и есть. Только ой как тяжело из времени вытаскивать правду.*

Рассмотрим другой пример. Волков. *Есть и другая версия. Николай Павлович сам ее произнес, да потом одумался... (фразу «Собаке – собачья смерть, Николай Павлович – Николай I. – Н. М.) Спиваков. Может быть. Но, выйдя к придворным, Николай I холодно изрек совсем другие слова...*

К косвенным речевым актам В. Спиваков прибегает и в том случае, когда приходится отвечать на вопросы о травмирующих его ситуациях частной жизни. Поскольку не дать ответ на вопросы – означает нарушить принцип кооперации, то В. Спиваков отвечает собеседнику, но в более приемлемой для него косвенной форме. Обратимся к примерам.

Параметры коммуникативной ситуации: беседа о предательстве друзей- музыкантов из первого состава оркестра «Виртуозы Москвы».

Волков. *Это как нож в спину. И с этой болью можно ходить очень долго, может быть, всю жизнь. Или ты легко прощаешь? Спиваков. Философ Фрэнсис Бэкон точно подметил: в Евангелие сказано о том, что христианин должен прощать своих врагов. Но там не сказано о том, что должно прощать друзей.*

В этом случае не прямая форма высказывания является способом психологической защиты, а в качестве коммуникативной тактики используется цитирование. Ср. суждение И. В. Арнольд о способности цитаты в речевом взаимодействии персонажей художественного текста «защитить чувство» героя, которое, будучи выраженным посредством текстового включения, оказывается «не столь обнаженным» [11, с. 420]

В ответ на вопрос, в котором требуется чрезмерная и нежелательная для адресата от-

кровенность, наблюдаем косвенное высказывание в следующем примере: « – Но если бы не было музыки в вашей жизни, испытывали ли бы вы это (счастье – Н. М.) с той же остротой? – Не знаю. Наверное, рыба, которая привыкла жить в море, умрет в реке».

2. Реализация принципа вежливости.

Принцип вежливости, сформулированный в 1983 г. в работе «Принципы прагматики» британским лингвистом Дж. Личем, является классическим и фундаментальным, относится к области речевого этикета и может быть определен как принцип взаиморасположения коммуникантов в рамках речевого акта [12]. В рамках принципа вежливости лингвист выделяет шесть максим: максима такта, максима вежливости, максима одобрения, максима скромности, максима согласия и максима симпатии.

В устной речи В. Спивакова исключительно важной оказывается максима одобрения, которая гласит: «Своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других».

Мы разделяем точку зрения Н. А. Бигуновой, рассматривающей в качестве объектов одобрения неодушевленные предметы, идеи, явления; похвалу лингвист трактует как речевой акт, направленный на собеседника либо отсутствующего в коммуникативном пространстве человека, а ее объектом считает качества, умения, поступки, внешность или манеры адресата (явного или отсутствующего) [13].

Интенция похвалы является основополагающей и одной из самых частотных в дискурсе В. Спивакова. Похвала направлена на третьих лиц – это, в первую очередь, коллеги-музыканты – Д. Ойстрах, А. Микеланджели, Т. Н. Хренников, М. Юдина, Е. Кисин, Г. Г. Нейгауз, К. М. Джулини, М. Глотц, Д. Д. Шостакович, М. Ростропович, Е. А. Мравинский, И. Ф. Стравинский, Н. А. Римский-Корсаков, др. Также это деятели театра – Г. Товстоногов, И. Смоктуновский, В. Стрельчик, Е. Лебедев, Ф. Раневская, М. Матросяни, поэты – Б. Окуджава, И. Бродский, М. Цветаева, А. Ахматова, А. П. Чехов, философ М. Мамардашвили, священник А. Мень, др.

В речевых актах похвалы широко используются атрибутивные лексемы со значением высокой степени положительной оценки (*человеком он был необыкновенным; неизгладимое, завораживающее впечатление; выдающийся музыковед и чудный человек; легендарная Мария Юдина*), наречные лексемы (*играл он совершенно, непревзойденно; он сказал замечательно; она гениально играла; как это емко и точно*), реже – глагольные (*я преклонялся перед этим человеком*) и субстантивные (*редкое сочетание эрудиции, доброты, ума, достоинства, обаяния*).

Похвала реализуется с использованием сравнений («*А играл он, как пастор*»;

«*О М. Юдиной*) Когда она заходила в класс, возникало ощущение, что солнце огромное вкатилось»; «*Помню, в кульминации «Поэмы экстаза» Скрябина на последней ноте я думал, что крыша рухнет, таким мощным был финал*»; метафор («*Он молился за роялем, он творил свою мессу*», «*Его спектакли оставались в памяти крупными яркими мазками*»).

Специфический вид похвалы в дискурсе В. Спивакова связан с его профессиональной сферой творческой деятельности. Так, для выражения похвалы, направленной на классиков русской литературы, используются атрибутивные лексемы «музыкальный», «полифоничный»: «*Очень люблю Чехова. Он для меня исключительно музыкален, наверное, самый музыкальный русский классик*». О Цветаевой: «*Она в творчестве поразительно музыкальна и полифонична*». Для выражения неодобрения автор вводит в высказывания лексему «немузыкальный»: «*Самые немusикальные – Толстой и Достоевский, пожалуй. В «Крейцеровой сонате» много музыкальных оплошностей*».

Примечательно, что на значимость похвалы в его взаимодействии с партнерами по общению в различные периоды жизни указывает в «Диалогах...» сам музыкант [7, с. 61]. Похвала для В. Спивакова является неотъемлемой и необходимой частью коммуникации: маркером вежливости, показателем понимания и уважения, способом сохранения лица коммуниканта, его самооценки и репутации: «*Я их (комплиментов – Н. М.) недополучил в детстве и теперь могу точно сказать – нужно поощрять детей. Я говорю своим ученикам – «ты чудесная», «ты замечательно играешь», «девочка, ты такая красивая», «у тебя звучит рояль, или скрипка, или флейта» – и дети на глазах расцветают*».

Отсутствие похвалы или недостаточная ее степень, с точки зрения В. Спивакова, обуславливает слабость и уязвимость коммуниканта: «*Я сыграл труднейшую программу – Бартонна, Бетховена... После всего я подошел (к Янкелевичу – Н. М.) и спрашиваю с тайной надеждой на доброе слово: «Ну, как, Юрий Исаевич»? А он отвечает: «У тебя наблюдаются элементы мастерства*».

Речевое осуществление долгожданной похвалы от педагога Ю. И. Янкелевича стало значительным событием для музыканта: «*Юрий Исаевич встал, подошел ко мне, положил руку на плечо и произнес перед полным классом: «Володя, я хочу тебе сказать, что я счастлив – я тебе больше не нужен! <...> Я ушел открыленный. Вот что значила для меня его похвала*».

В. Спиваков – языковая личность, не пренебрегающая и неискренней вежливой похвалой, если она является знаком уважения к человеку другой культуры и выражением благо-

дарности за интерес к культуре его страны: «Я из приличия похлопал и похвалил, как все замечательно. Хотя, конечно, по смене акцентов, по темпам, по многим нюансам я слышал, что Чайковского играет китайский оркестр, а не русский».

Другая значимая речевая интенция в дискурсе В. Спивакова – благодарность, которая является «одним из наиболее жестких речевых императивов этикета» [9], направленная как на собеседника, так и на третьих лиц. Ср.: благодарность в адрес собеседника: «Да, я благодарю ваш портал за то, что приоткрыли двери в концертный зал города стольким людям». Ср.: благодарность жене: «Спасибо надо сказать моей жене Сати, которая настойчиво меня упрощает не откладывать смычка». Признательность коллеге: «Я очень благодарен Мравинскому».

В дискурсе музыканта тщательно соблюдается и максима скромности Дж. Лича, предполагающая неприятие похвал в свой адрес, минимум похвал и максимум порицаний говорящего по отношению к самому себе.

Данная максима реализуется речевыми актами самоупрека и самокритики. Речевым актом самоупрека мы считаем речевой акт упрека, адресатом и адресантом которого является один и тот же человек, посредством которого говорящий выражает неудовлетворение своими поступками или поведением. Речевым актом самокритики считаем речевой акт, выражающий общую отрицательную оценку, даваемую говорящим самому себе.

Анализируя реализацию максимы скромности в текстах интервью В. Спивакова, мы различаем речевые акты неодобрения, в которых он отвергает похвалу в свой адрес, а также речевые акты самокритики и самоупрека.

К первой группе относятся следующие высказывания:

– *Вам наверняка часто говорят, что вы гений?*

– *Бывает. Но я этого очень не люблю. Мне вообще больше нравится, когда люди молчат – многое скажут их глаза. Когда по-*

сле концерта вижу светящиеся лица, слова не нужны. <...> Во всяком случае, зная, что до тебя были такие личности, как Малер и Шостакович, гением себя уже не назывешь.

Во фрагменте диалога наблюдаем прямой речевой акт неодобрения и следующий за ним косвенный речевой акт несогласия.

В рамках второй группы рассматриваем следующие и подобные им речевые акты: «Да я вообще себе не очень нравлюсь! (Прямой речевой акт самокритики). Потому что понимаю, что совершенство – это ускользающая линия горизонта». «К тому же я – перфекционист, и отношусь к себе очень строго: ничего себе не прощаю, помню ошибки 20-летней давности – где, в каком городе, в каком сочинении это произошло, на что надо обратить внимание» (Прямой речевой акт самоупрека).

Заключение. Таким образом, в устной речи В. Спиваков строго следует базовому принципу речевого общения – принципу кооперации. В дискурсе музыканта частотными являются: 1) косвенные реализации неблагоприятных для адресата интенций, 2) частично выраженное согласие по формуле «да, но...», 3) не прямые высказывания в ответ на вопрос, затрагивающий то, что входит в личную зону адресата.

В устной речи В. Спивакова корректно соблюдаются максимы одобрения и скромности Дж. Лича, выдвинутые лингвистом в рамках принципа вежливости. Характерной особенностью речевого поведения музыканта следует считать значимость речевых интенций похвалы и благодарности, что соответствует требованиям, предъявляемым к этикетному речевому поведению. В речевых актах похвалы преобладают атрибутивные и наречные лексемы, интенция похвалы выражается с использованием сравнений и метафор. Специфические лексемы, участвующие в выражении похвалы, – музыкальный и полифоничный. Употребительными в дискурсе В. Т. Спивакова являются речевые акты самоупрека и самокритики, а также речевые акты несогласия с похвалой в свой адрес.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур, Т. Г.* Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Ленанд, 2017. – 171 с.
2. *Формановская, Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз., 1998. – 291 с.
3. *Седов, К. Ф.* Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2008. – 318 с.
4. *Белунова, Н. И.* Элитарная речевая культура и ее основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.) / Н. И. Белунова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 103 с.
5. *Казакова, И. Н.* Элитарная языковая личность в портретном интервью: аспекты коммуникативного поведения / И. Н. Казакова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 36–39.

REFERENCES

1. *Vinokur, T. G.* Govoryashchij i slushayushchij: varianty rechevogo povedeniya / T. G. Vinokur. – M.: Lenand, 2017. – 171 s.
2. *Formanovskaya, N. I.* Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshcheniya / N. I. Formanovskaya. – M.: In-t rus. yaz., 1998. – 291 s.
3. *Sedov, K. F.* Ontopsiholingvistika: stanovlenie kommunikativnoj kompetencii cheloveka / K. F. Sedov. – M.: Labirint, 2008. – 318 s.
4. *Belunova, N. I.* Elitarnaya rechevaya kul'tura i ee osnovnye osobennosti (na materiale druzheskih pisem tvorcheskoy intelligencii konca XIX – pervoj chetverti XX v.) / N. I. Belunova. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2009. – 103 s.
5. *Kazakova, I. N.* Elitarnaya yazykovaya lichnost' v portretnom interv'yu: aspekty kommunikativnogo povedeniya / I. N. Kazakova // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 2. – S. 36–39.

6. Салимова, Л. М. Элитарная языковая личность и проблемы интертекстуальности / Л. М. Салимова // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – № 4. – С. 402–407.
7. Волков, С. Диалоги с Владимиром Спиваковым / С. Волков. – М.: АСТ, 2019. – 319 с.
8. Грайс, Г. Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
9. Стернин, И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж, 1996. – 73 с.
10. Brown, P. Levinson, S. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: strategies in social interaction / ed. E. Goody. – New York, 1979. – P. 56–289.
11. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – М.: Книжный дом, ЛИБРОКОМ, 2014. – 452 с.
12. Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – New York : Longman, 1983. – 250 p.
13. Бигунова, Н. А. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка) / Н. А. Бигунова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2013. – № 4(41). – С. 83–92.
6. Salimova, L. M. Elitarnaya yazykovaya lichnost' i problemy intertekstual'nosti / L. M. Salimova // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2013. – № 4. – S. 402–407.
7. Volkov, S. Dialogi s Vladimirom Spivakovym / S. Volkov. – M. : AST, 2019. – 319 s.
8. Grajs, G. Logika i rechevoe obshchenie / G. Grajs // Novoe v zarubezhnoj lingvistike : sb. st. – M., 1985. – Vyp. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika. – S. 217–238.
9. Sternin, I. A. Russkij rechevoj etiket / I. A. Sternin. – Voronezh, 1996. – 73 s.
10. Brown, P. Levinson, S. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: strategies in social interaction / ed. E. Goody. – New York, 1979. – P. 56–289.
11. Arnol'd, I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' / I. V. Arnol'd. – M. : Knizhnyj dom, LIBROKOM, 2014. – 452 s.
12. Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – New York : Longman, 1983. – 250 p.
13. Bigunova, N. A. Integraciya polozhitel'no-ocenochnyh rechevyh aktov v strukturu dialogicheskogo diskursa (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka) / N. A. Bigunova // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. – 2013. – № 4(41). – S. 83–92.